

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Последняя синхронизация

Следствие ведут духи

Книга 15

Уютный мистический детектив

Виктор Алеветдинов

**Книга 15. Следствие ведут духи.
Последняя синхронизация**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 15. Следствие ведут духи. Последняя синхронизация /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

После замены батареи старый телефон Людмилы Андреевны присылает новое голосовое от мужа, умершего два года назад. Он звучит точно как Сергей — но говорит о семейном споре, которого при жизни не мог знать. Наутро техника мастерской находят мёртвым, а его тестовый телефон исчезает. Вера и Антон выходят на сервис «Память рядом», обещающий продолжить разговор с умершими. За утешением скрываются доступ к чужим архивам, синтез новых ответов и система, которая не принимает отказ. Пока кто-то стирает цифровые следы, Вере предстоит отделить настоящий отпечаток памяти от искусно собранной лжи — и не перейти границу в отношениях с человеком, которому она доверяет. Уютный мистический детектив о голосах прошлого, цене согласия и будущем, которое нельзя подтвердить контрольной суммой.

Содержание

Глава 1. Голос, которого не должно быть	5
Глава 2. Ночная смена	10
Глава 3. Ремонт за полчаса	15
Глава 4. Сервис утешения	21
Глава 5. Клиенты с чудом	26
Глава 6. Телефон в жестяной коробке	32
Глава 7. Соня ночью	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 15. Следствие ведут духи.

Последняя синхронизация

Глава 1. Голос, которого не должно быть

Людмила Андреевна позвонила в редакцию в половине пятого и сказала, что её покойный муж наконец ответил. Затем попросила приехать в мастерскую до закрытия, потому что мастер собирался улучшить телефон ещё раз, а второго улучшения она могла не пережить.

Через сорок минут я вошла в небольшую мастерскую на первом этаже торгового центра. Людмила Андреевна стояла у стойки в сером пальто и прижимала к груди старый смартфон. На экране появлялось окно обновления. Она нажимала «позже», но телефон не принимал отказ.

За стойкой Тимур Сафиуллин объяснял, что после замены батареи аппарат закончил синхронизацию и восстановил очередь старых сообщений. Говорил он спокойно, будто два года между смертью человека и новым голосовым были обычной задержкой сервера.

— Муж умер два года назад, — сказала Людмила Андреевна.

— Для сервера два года не срок.

В квитанции значилась только замена батареи. Восстановление данных хозяйка не заказывала. Она рассказала, что получила телефон, дошла до остановки и услышала уведомление. Сообщение пришло от контакта «Серёжа». Людмила Андреевна включила его и сразу вернулась в мастерскую.

Тимур предложил убрать обновление, проверить журнал и заодно подключить пакет сохранения памяти. В пакет входила резервная копия, защита файла и услуга с названием «бережное молчание уведомлений».

— Что ещё за молчание? — спросила Людмила Андреевна.

— Телефон не тревожит вас без необходимости.

— Его можно выключить.

Тимур улыбнулся так, будто я предложила заменить батарею свечкой. Он объяснил, что услуга рассчитана на комфорт. Людмила Андреевна спросила цену и прижала телефон крепче.

— Сергей за такие деньги сам бы молчал месяц.

Тимур сделал вид, что не услышал. Я попросила показать разрешение на работу с данными. Он перевернул квитанцию и указал на мелкий абзац о стандартной диагностике. Там была проверка синхронизации, но ничего не говорилось о дополнительных услугах. Тимур ответил, что мастерская их не подключала: система только предложила вариант. Само сообщение он не видел и отвечать за него не мог.

Установить обновление он всё же советовал. После него журнал якобы должен был стать понятнее. На вопрос, сохранится ли файл, Тимур ответил неуверенно.

— Должен.

— Значит, может исчезнуть, — сказала Людмила Андреевна и отступила от стойки.

Сначала нужно было сохранить исходный файл, не меняя телефон. Я объяснила, что определять происхождение голоса на месте не стану. В сумке лежали новая флешка и переходник. После прежних дел я перестала считать пустую флешку излишней предосторожностью.

Я спросила разрешение скопировать только одно сообщение. Людмила Андреевна согласилась, но потребовала не открывать остальные файлы и не давать запись посторонним. Для технической проверки я назвала Антона Ланского. После той осени, когда мы впервые назвали себя парой, я всё ещё делала паузу перед словом «близкий».

— Он ваш специалист? — спросила она.

— Он специалист по технической реконструкции. И мой близкий человек.

Людмила Андреевна кивнула. Тимур поднял брови, но промолчал.

Я включила режим полёта. В списке сообщений последним стояло голосовое от контакта «Серёжа». Дата была сегодняшняя, время — 16:07, длительность — сорок восемь секунд. Людмила Андреевна попросила не включать запись в мастерской.

Телефон потребовал подтвердить доступ к флешке. Я показала экран хозяйке, и она сама нажала кнопку. Полоса копирования прошла быстро.

Тимур предупредил, что без фирменного архива файл может потерять служебные связи, которые подтверждают происхождение. Я напомнила, что происхождение он пока не подтвердил. Тогда он положил на стойку визитку и посоветовал не затягивать: старые аппараты иногда сами очищают временные файлы. Людмила Андреевна взяла визитку двумя пальцами.

— У вас и молчание платное, и память торопится. Удобная мастерская.

На улице темно. До машины мы шли медленно: снег у входа превратился в серую кашу. Телефон лежал выключенным в кармане Людмилы Андреевны, но она постоянно касалась его через ткань.

Я предложила поехать ко мне. Она согласилась после обещания не подключать аппарат к домашней сети.

Тишка встретил нас у двери, посмотрел на гостей и отошёл к тумбе. Телефон его не заинтересовал. Тишка сел у батареи и занялся собственным хвостом. Это ничего не доказывало, но отсутствие кошачьего спектакля иногда помогало лучше любой приметы.

Я положила флешку на стол и включила старый ноутбук, который не был связан с рабочими облачными папками. Пока система загружалась, Людмила Андреевна рассказала, что Сергей ругал смартфон каждый день, но записывал голосовые, потому что печатал медленно. После его смерти она некоторое время слушала старые сообщения. Потом батарея вздулась, и телефон пролежал в ящике, пока дочь Алёна не попросила найти фотографии отца.

Алёна хотела продать дачу. Дом пустовал, а деньги были нужны внуку на учёбу. Людмила Андреевна не решалась согласиться: Сергей строил дачу сам и проводил там каждое лето.

Я скопировала файл в отдельную папку и спросила разрешение включить запись. Людмила Андреевна села рядом и сцепила пальцы.

Сначала послышался шорох. Затем два коротких касания, пауза и третье. После этого заговорил Сергей.

Голос был низким, немного хриплым. Он сказал, что дом не должен становиться обязанностью, если там никто не живёт. Попросил поддержать Алёну, продать дачу и отдать деньги на образование внука. В конце добавил, что семье нужна общая стратегия, а память не измеряется участком.

Запись оборвалась без прощания. Людмила Андреевна провела ладонью по столу.

— Это он. Когда простужался, говорил именно так.

— А слова?

— Про дачу мог сказать. Он не любил, когда вещь становилась обузой. Но «общая стратегия»... Сергей работал электриком и говорил: «Сядем, решим по-людски». Стратегии у него были только у начальства, и все плохие.

Я включила сообщение ещё раз. Голос повторил каждую паузу без малейшего изменения. Для файла это было нормально, но речь звучала непривычно аккуратно. Сергей отвечал на спор, который начался после его смерти.

При нём продаже не обсуждали. Тогда Алёна сама ездила на дачу, а внук ещё учился в школе. Сергей часто говорил, что мальчику нужно получить образование, но никогда не связывал это с домом.

Я вернула запись к началу и прибавила громкость. Перед голосом снова прозвучали два касания, пауза и третье. Людмила Андреевна узнала привычку мужа. Перед длинной записью он дважды стучал по чехлу, задумывался и касался его ещё раз. Так Сергей собирался с мыслями.

Телефон лежал на другом краю стола, выключенный ещё в мастерской. Я попросила разрешения взять его.

— Только не включайте.

Чехол сохранил тепло её рук. Я положила большой палец на боковую грань. Сначала ничего не произошло. Потом в ладони отозвались два слабых толчка. После паузы пришёл третий, неловкий и знакомый, словно человек собирался начать запись, но не успел.

Я положила аппарат на стол и попросила Людмилу Андреевну показать привычный жест. Она взяла телефон и постучала указательным пальцем. Ритм совпал. Сама она почувствовала только пластик и смутилась из-за странной проверки.

— Такие проверки всегда неловкие, — сказала я. — Я к этому привыкла.

Она слабо улыбнулась, но телефон из рук не выпустила. Взгляд её оставался серьёзным.

— Вы считаете, там Сергей?

— Полный монолог опирается на сведения, которых Сергей при жизни знать не мог. Ритм похож на его привычку. Пока их нельзя считать одним и тем же.

— Но голос настоящий.

— Голос можно собрать из старых записей.

Людмила Андреевна опустила глаза на телефон. Пальцы у неё сжались на краях чехла.

— Значит, мне солгали его голосом.

Я не стала спорить и не предложила утешительную версию. У нас были файл, сегодняшняя дата и фраза из нового семейного спора. Этого хватало для проверки, но не для обвинения.

Я позвонила Антону и кратко объяснила ситуацию. Он спросил, открывали ли мы другие данные и выходил ли телефон в сеть после мастерской. Услышав, что аппарат перевели в режим полёта, а потом выключили, Антон попросил получить отдельное разрешение на просмотр метаданных файла.

Людмила Андреевна уточнила, что именно он увидит. Я объяснила: время создания, приложение и признаки изменения. Остальные сообщения для этого не нужны. Она разрешила проверку.

Антон приехал через семнадцать минут. Снег на его куртке ещё не растаял, когда он остановился у стола и представился. Телефон он не взял. Сначала спросил, можно ли посмотреть файл на ноутбуке. Затем получил разрешение открыть свойства и сделать контрольную сумму — цифровую отметку, которая меняется при любом вмешательстве.

Людмила Андреевна посмотрела на меня, будто проверяла и его, и мой ответ. Потом перевела взгляд на Антона.

— Он всегда так спрашивает?

— Когда вещь чужая — всегда.

— Тогда делайте.

Антон записал контрольную сумму на бумаге и открыл свойства. Время создания совпало с уведомлением. В служебной строке значилась версия приложения, которого я на телефоне не заметила. По словам Антона, файл мог пройти через промежуточный сервис, но определить его по одной строке было нельзя. Мастерская оставалась лишь одной из версий.

После разрешения он прослушал запись и дважды вернулся к первым секундам. Потом снял наушник.

— В монологе нет обычных следов старого приложения, — сказал он. — Но это ещё не доказывает синтез.

Касания были частью звуковой дорожки, поэтому их могли взять из исходных записей вместе с голосом. Я рассказала, что выключенный телефон повторил этот ритм в моей ладони.

Антон попросил Людмилу Андреевну разрешить коснуться чехла. Она подвинула аппарат. Он положил пальцы на крышку и подождал, но ничего не почувствовал.

— Это тоже результат, — сказал он. — Вера замечает привычку вещи, я чаще вижу нарушение маршрута. Здесь маршрут пока скрыт.

Людмила Андреевна спросила, могла ли я ошибиться. Антон не стал защищать меня из вежливости. Ответил, что могла, поэтому любое ощущение нужно проверять фактами. Прямой ответ подействовал лучше утешения: гостья заметно успокоилась.

Я поставила телефон на сложенную салфетку, чтобы не задеть кнопку, и позвонила Настасье Петровне по видеосвязи. На экране появилась часть кухни и её рука с полотенцем.

— Камеру выше подними, — попросила я.

— Мне тебя видно.

— А мне полотенце.

— Оно сегодня разумнее многих. Рассказывай.

Я объяснила про ремонт, голос и ритм. Настасья Петровна попросила показать телефон, но не приближать его к экрану.

— Сергей что говорит? — спросила она.

— Советует продать дачу.

— Я не про совет. Что от него самого осталось?

Я назвала три касания и сказала, что Людмила Андреевна подтвердила привычку. Настасья Петровна села за стол и разделила всё на три уровня: сам телефон, запись и проверку. Голос мог собрать живой человек, а привычка могла сохраниться на телефоне. Одно не подтверждало другое.

— Вы не можете сказать, Сергей это или нет? — спросила Людмила Андреевна.

— Не могу. Честный человек сейчас не скажет.

Она посоветовала оставить телефон выключенным, подтвердить привычку у тех, кто хорошо знал Сергея, а происхождение файла проверять технически. Решение о даче следовало отложить.

В кухне за её спиной звякнула крышка. Настасья Петровна поправила её и снова посмотрела в камеру.

— Если след настоящий, экран ему не нужен. Если аппарат заговорит ещё раз, сначала выясняйте, откуда пришёл звук.

После звонка Антон сохранил только таблицу метаданных и контрольную сумму. Он спросил разрешение записать модель телефона и номер квитанции. Людмила Андреевна согласилась. На просьбу о серийном номере ответила отказом.

— Это уже лишнее.

— Хорошо, — сказал Антон и закрыл программу.

Я поймала себя на желании объяснить, зачем номер мог пригодиться. Антон не объяснял пользу после отказа. В его спокойном «хорошо» была дисциплина, которой мне не хватало.

Мы прослушали копию ещё два раза. Монолог повторялся одинаково, вплоть до вдоха перед словом «стратегия». Короткий ритм не складывался в послание. Он никого не убеждал и ничего не требовал.

Людмила Андреевна забрала телефон и флешку. Копия осталась у меня по письменному разрешению с припиской: «Не публиковать, не передавать полностью, не использовать голос Сергея для новых записей».

— Последнее обязательно? — спросила она.

— Обязательно.

— Тогда напишите крупнее. Все важные вещи почему-то прячут мелким шрифтом.

Я переписала разрешение. Она прочла каждую строку и подписала.

В прихожей Людмила Андреевна попросила прямо сказать, если сообщение окажется подделкой. Я пообещала назвать только то, что подтвердят доказательства.

Антон проводил её до машины. Вернувшись, он спросил, не жалею ли я, что снова взялась за чужое дело. Я ответила: пока у нас только чужой файл. Чайник вскипел, но воду мы так и не налили.

В тетради я записала гипотезу: цельный монолог отвечал на новый спор и пользовался поздней лексикой. Короткий ритм касаний ничего не советовал и никого не обвинял.

Утром меня разбудил звонок с незнакомого номера. Говорил Тимур Сафиуллин. Он не предложил обновление и не напомнил о пакете сохранения памяти.

— Вера Сергеевна, вы вчера забирали копию голосового у Людмилы Андреевны, — сказал он. — Нашего техника Михаила Беляева нашли сегодня у рабочего стола. Он мёртв.

Глава 2. Ночная смена

Тимур позвонил в семь двадцать утра. Тетрадь ещё лежала на столе, открытая на странице с тремя касаниями Сергея Нечаева и фразой «общая стратегия». За окном только начало светлеть. Тишка сидел на подоконнике и заранее не одобрял новый день.

— Михаила Беляева нашли сегодня у рабочего стола, — повторил Тимур. — Он мёртв. Похоже, блок питания.

— Кто его нашёл?

— Уборщица. Пришла в шесть, увидела через стекло и вызвала скорую. Вы вчера забрали копию файла, поэтому я решил сообщить.

Он всё время возвращался к голосовому, хотя я спрашивала о Михаиле. Тимур хотел знать, успела ли я передать запись в редакцию. Я ответила, что публикации не будет без согласия Людмилы Андреевны. После короткой паузы он предложил приехать.

— Полиция разрешила?

— В клиентскую зону можно. Только ничего не снимайте без согласования.

Человек, который вчера показывал мелкий абзац на квитанции как разрешение на работу с данными, внезапно полюбил согласование.

Антон приехал через полчаса. Владелец помещения уже сообщил в страховую компанию об аварии, и Антону поручили зафиксировать состояние электропитания после первичного осмотра полиции.

— Ты там будешь по работе, — сказала я в машине. — Я по звонку Тимура.

— И по привычке задавать неудобные вопросы.

— Это тоже работа.

— Тогда не трогай ничего, что не предложат показать.

Я сказала, что умею. Антон посмотрел на меня, но лекцию читать не стал.

У мастерской собрались клиенты. На двери висел лист с просьбой отложить визит, а электронная табличка рядом сообщала: «Открыто». Люди доверяли табличке больше. Мужчина в пуховике прижимал к животу планшет и требовал вернуть фотографии кота.

— Я подпишу всё, — заявил он администратору. — Хотите отказ от претензий, хотите согласие на пожар. Только достаньте кота.

— Кот жив? — спросила она.

— Жив. Но фотографии с детства только там.

Администратор предложила восстановить их через облако. Мужчина не помнил пароль и добавил, что кот согласия на облако не давал. Спор был бы смешным, если бы за закрытой дверью несколько часов назад не умер человек.

Тимур встретил нас у стойки. Он был во вчерашней чёрной рубашке, только расстегнул ворот.

— Вера Сергеевна, спасибо, что приехали. Антон, вас ждут со стороны двора.

— Сначала уточню границы осмотра, — сказал Антон. — Электрощит, рабочий стол и подключённое оборудование. Личные устройства сотрудников без отдельного разрешения я не открываю.

— Михаил погиб. Сейчас не до формальностей.

— Поэтому до них.

Я осталась у стойки, пока Антон разговаривал с сотрудником полиции и представителем владельца помещения. Дверь в ремонтную часть была приоткрыта. Через щель виднелись край стола и лампа на гибкой ножке. Под ней лежал раскрытый блок питания.

Михаила уже увезли. На полу была отмечена граница; за неё просили не заходить. Возле ножки стола лежала перевёрнутая коробка с винтами, но сами винты были собраны в про-

зрачный пакет. После приезда полиции здесь работали аккуратно и по правилам. Компьютеры оставались включёнными: один сохранял журналы, второй показывал очередь заказов. Звонил служебный телефон, на полке мигали зарядные индикаторы. Электрический и цифровой шум не давал различить слабый предметный след.

Когда я закрыла глаза, ладони отозвались беспорядочными толчками. Они не складывались в движение или привычку. После вчерашних трёх касаний это напоминало разговор нескольких радиостанций сразу. Я открыла глаза и больше не пыталась почувствовать Михаила. Здесь моё внимание только мешало.

Через двадцать минут Антон позвал меня к двери. Внутри он меня не пригласил, только показал на стол Михаила.

На соседнем месте лежал разобранный телефон, рядом темнело пятно от кружки. Стол Михаила выглядел иначе. Поверхность протёрли, кабели уложили параллельно, инструменты поставили в подставку.

— Он был аккуратным?

Тимур подошёл сзади.

— Очень. Всегда убирал после смены.

Антон провёл фонарём вдоль края, не касаясь стола.

— Тогда почему под подставкой пыль, а вокруг неё нет?

Тимур посмотрел на чистый прямоугольник.

— Может, утром протёрли.

— Уборщица сюда не заходила. Дверь была закрыта.

Тимур предположил, что стол убрал сам Михаил. Антон записал ответ и попросил показать, откуда блок получал питание. Кабель уходил к отдельной розетке, а защитный автомат находился в подсобке. На полу под столом осталась пыль, но возле розетки её стёрли ладонью или тряпкой. Антон не стал решать, сделал ли это Михаил при ремонте или другой человек позже. Он только попросил внести след в схему осмотра.

Я спросила, чем Михаил занимался ночью. Тимур ответил, что блок начал сбивать днём, и техник сам предложил остаться.

— До которого часа?

— Не знаю. Я уехал около девяти.

— Кто закрыл помещение?

— Михаил. У него был ключ.

Если он собирался уходить, почему работал с открытым блоком? Антон задал этот вопрос владельцу помещения, а мне жестом напомнил, что выводы пока рано делать.

Из клиентской зоны снова донёсся голос мужчины с планшетом:

— Я согласен даже на обновление. Только подтвердите письменно, что кот не исчезнет.

Подходящего бланка не нашлось. Тимур проверил заказ и выяснил, что планшет лежит в сейфе у администратора, а не в опечатанной зоне. Клиент получил его через три минуты. Заодно сейф открыли при нас. Внутри стояли телефоны с бумажными бирками. Аппараты, оставленные на диагностику, хранились рядом с кассовыми документами.

Когда очередь успокоилась, Тимур провёл меня в кабинет за стойкой. Я спросила, мог ли Михаил работать с сообщением Сергея Нечаева. Тимур резко отодвинул стул.

— Он не подделывал голоса умерших. Даже не формулируйте так.

— Телефон Людмилы Андреевны был у него?

Тимур открыл карточку ремонта. В ней значилась замена батареи, исполнитель — М. Беляев.

— Он заменил батарею, проверил заряд и отдал аппарат.

— Почему после ремонта появился файл из промежуточного приложения?

— Вы уже передали запись эксперту?

— С разрешения хозяйки мы проверили метаданные одного файла.

Тимур несколько раз прокрутил карточку. Потом сказал, что Михаил мог запустить стандартный перенос данных. Старый телефон иногда восстанавливал приложения из резервной копии. Клиентские данные, по его словам, удалялись в конце смены.

— Михаил оставался после смены.

Тимур встал и достал бумажный журнал. В последней строке значился Михаил Беляев. Фамилия Беляева была написана синей ручкой, время ухода — чёрной. Между ними лежала полоска исправительной ленты.

— Что здесь закрыли?

— Ошибку.

— Какую?

— Не помню. Наверное, сначала поставил не то время.

Я не тронула страницу. Под лентой просвечивал край цифры, а в графе ухода стояло 22:40.

— Кто вписал время чёрной ручкой?

— Он сам.

— Камера покажет, когда он ушёл?

Тимур закрыл журнал ладонью.

— Камеры отключились вместе с питанием.

— Журнал можно сфотографировать?

— Нет.

Я записала номер страницы и отличие чернил. Тимур следил за ручкой, будто я могла вынести журнал по буквам.

В дверях появилась женщина в светлом пальто. Она сняла перчатки и обратилась ко мне:

— Вы Вера Сергеевна? Яна Белова.

Она представилась создательницей сервиса цифровой памяти и партнёром мастерской. По её словам, Михаил восстанавливал повреждённые архивы, но доступа к готовым мемориальным страницам не имел.

— Я приехала, потому что Тимур сообщил о трагедии, — сказала Яна. — И о вчерашней жалобе Людмилы Андреевны.

Тимур стоял у шкафа и смотрел на журнал.

— Людмила Андреевна не разрешала передавать вам сведения.

— Тимур сообщил только о неожиданном голосовом. Без имени и содержания.

— Вы называли Людмилу Андреевну.

Яна задержалась с ответом, затем сослалась на карточку обращения, которая автоматически попала партнёру из-за возможной связи с их сервисом. Такая передача якобы входила в диагностику.

— Она не подключала ваш сервис.

— Возможно, подключение существовало раньше. Люди редко помнят все согласия, которые давали несколько лет назад.

— Сергей умер два года назад. Он тоже мог забыть своё согласие?

Тимур шумно выдохнул, но Яна не обиделась. Она сказала, что сервис создавался не для подмены человека. Клиенты сами загружали записи, чтобы сохранить привычный способ общения. После утраты им было важно услышать знакомый голос.

— Услышать запись или получить новый совет? — спросила я.

— Иногда человеку нужен ответ на вопрос, который он не успел задать.

— Значит, ваш сервис отвечает?

— Он помогает собрать материалы в понятную форму.

В её словах была часть правды. Людмила Андреевна боялась потерять даже искусственную речь, потому что голос принадлежал Сергею. Яна понимала этот страх и не говорила о нём свысока. Она начинала с реальной помощи и незаметно присваивала системе право отвечать за умершего. Но полезность сервиса не объясняла доступ к новому семейному спору.

Яна предложила обсудить технологию у неё в офисе и не связывать смерть Михаила с жалобой до появления фактов. Затем добавила, что паника может лишить людей важной поддержки.

— Людмила Андреевна запретила публикацию, — сказала я. — Пока её голосовой не станет вашей рекламой и моей статьёй.

Яна кивнула.

— Тогда вы понимаете, почему я прошу осторожности.

Она подошла к Тимуру и тихо спросила о резервной копии. Я расслышала слова «ночной контур». Тимур ответил, что полиция забрала только системный блок Михаила. Заметив меня, Яна объяснила: речь шла о технических журналах партнёрского обмена.

Антон вернулся из подсобки и попросил схему камер. Питание отключилось в 22:18. Запись оборвалась сразу на двух камерах, хотя одна работала от резервного аккумулятора. Тимур сказал, что аккумулятор давно требовал замены.

— Кто об этом знал? — спросил Антон.

— Все сотрудники.

— Михаил?

— Конечно.

— Тогда странно, что он выбрал для ремонта время без камер.

Тимур ответил, что несчастные случаи не выбирают удобное время. Антон согласился и попросил не делать выводов ни в одну сторону.

После разрешения полиции Тимур открыл шкафчик Михаила в присутствии понятых. Я осталась за линией. Внутри лежали шапка, зарядный кабель и пластиковый чехол. На белой наклейке было написано «Т-4».

— Что это? — спросил Антон.

— Тестовый телефон Михаила. Он проверял на нём приложения.

Чехол был пуст. Внутренняя поверхность сохранила прямоугольный след от аппарата, а на дне лежала бирка с номером отдельной сим-карты. Кабель был подключён к зарядному блоку, но его свободный конец убрали внутрь шкафчика. Сначала Тимур сказал, что Михаил мог забрать телефон домой. Потом вспомнил, что вчера видел аппарат в мастерской. Михаил запускал проверку и оставил его заряжаться.

— Во сколько?

— Днём. Может, вечером. Я не следил.

В журнале оборудования аппарат числился за мастерской. Последними были подпись Михаила и вчерашняя дата. Графа возврата оставалась пустой.

Антон не прикоснулся к чехлу. Он попросил зафиксировать всё на месте и сверить номер сим-карты по официальному запросу. Тимур раздражённо сказал, что телефон принадлежал компании и он сам может открыть учётную запись.

— Уже нельзя, — ответил Антон. — Сейчас телефон — возможная часть проверки.

— Телефон наш.

— Право собственности не даёт права менять данные после происшествия.

Тимур отвернулся. Я вспомнила вчерашнее правило Антона: чужая вещь остаётся чужой и после смерти владельца. Михаил погиб, но его файлы не стали общими только потому, что всем хотелось понять случившееся.

Яна спросила, была ли на аппарате отдельная сим-карта. Услышав ответ, она попросила срочно заблокировать номер, чтобы исключить удалённый доступ.

— Сначала сохранить состояние, — сказал Антон.

— А если данные стирают прямо сейчас?

— Тогда любое ваше действие тоже изменит состояние. Решение принимает следователь. Яна сжала перчатки и замолчала. Впервые её спокойствие дало трещину.

К полудню стало ясно, что аппарат исчез между ночной аварией и официальным осмотром. Камеры ничего не показали после 22:18. Запасной вход со двора открывался ключом, который был у Тимура, Михаила и администратора. Администратор ушла раньше и отметилась в журнале без исправлений. Уборщица не входила: её ключ открывал только общую дверь, а внутреннюю она нашла запертой. Телефон мог покинуть мастерскую до отключения камер или через служебный вход после него.

Мы с Антоном вышли во двор. У служебной двери лежала свежая соль. Он осмотрел замок и не нашёл явных следов взлома. Это не означало, что дверь не открывали.

— Михаил мог унести телефон сам.

— Мог передать другому. Мог оставить внутри, а аппарат забрали после смерти. Пока все варианты живы.

— На месте ничего ясного. Только шум.

— И хорошо, что ты это признаёшь.

— Лучше бы почувствовать полезное.

— Полезное ощущение без проверки часто обходится дороже ошибки.

Из мастерской вышел мужчина с планшетом. Фотографии нашлись. Он показал нам рыжего кота, сидящего в раковине.

— Всё на месте, — сообщил мужчина. — Я ничего не подписывал. Оказывается, иногда можно просто выдать вещь.

Он ушёл довольный. Я посмотрела на дверь мастерской. Внутри оставались телефоны клиентов, доступ к которым называли стандартной диагностикой. Один странный голос уже пришёл после ремонта. Тестовый аппарат Михаила исчез. Яна знала имя Людмилы Андреевны раньше, чем получила право его знать.

Прямой вопрос только предупредил бы Тимура и Яну. Нужна была проверка без чужих данных.

— У меня дома лежит старый телефон, — сказала я. — Пустой, но рабочий. Создадим нейтральные файлы и сдадим на ремонт.

Антон понял.

— Заранее фиксируем состояние. Настоящие записи не используем.

— И прихожу без тебя.

— Почему?

— Обычные клиентки редко приходят с техническим реконструктором и тетрадью.

Он посмотрел на мою сумку.

— Тетрадь ты всё равно возьмёшь.

— Но первые три минуты могу не доставать.

К вечеру мастерская снова принимала заказы. Я записалась на следующий день под своим именем и решила принести чистый телефон с искусственными файлами, заранее отмеченными Антоном. Тимур знал о проверке, но не знал содержимого аппарата: так мы могли проверить маршрут доступа, не подставляя чужие данные.

Глава 3. Ремонт за полчаса

На следующий день я разбудила старый телефон раньше себя. Он почти три года лежал в ящике стола, завёрнутый в чек из книжного магазина, и давно не включался.

Антон поставил аппарат на кухонный стол, подключил кабель и дождался загрузки.

— Сначала ещё раз договоримся, что именно проверяем, — сказал он.

— Берут ли в мастерской данные без заказа.

— Уже шире, чем нужно.

Он открыл чистую тестовую учётную запись. Мы решили проверить только маршрут доступа после ремонта. В телефоне не должно было остаться личных данных. Антон записал три коротких сообщения сам, но изменил тембр программой, чтобы его голос нельзя было принять за семейный материал.

В записях мужчина просил купить хлеб, говорил о ключе под зелёной кружкой и советовал не продавать вымышленный гараж. Фразы не относились ни к одному живому человеку, но давали системе тему для возможного ответа.

— Почему гараж? — спросила я.

— Он вызывает больше человеческого упрямства, чем цвет обоев.

Антон добавил вымышленные контакты, посчитал контрольные суммы файлов и записал время. Для теста мы создали новый адрес, а уведомления о входе направили на отдельный ноутбук.

Я взяла телефон в ладони. Пластик был холодным и совершенно безразличным. Ни повторного жеста, ни задержанного намерения. Аппарат не помнил даже меня, хотя когда-то я носила его каждый день.

— Ничего.

— Это хороший исход.

— Очень поддерживающая формулировка.

— Зато честная. Мы знаем, что до мастерской следа нет.

Он наклеил на внутреннюю сторону чехла маленькую метку. Снаружи она была незаметна, зато показывала, снимали ли крышку. Батарея заряжалась только до сорока процентов, и этого хватало для правдоподобной жалобы.

Перед выходом Антон повторил границу опыта. Мы не провоцировали доступ к чужим данным и не давали разрешения на мемориальные услуги. Если мастерская открывала тестовые голосовые в рамках явной диагностики, это следовало зафиксировать. Если доступ уходил дальше, нам требовалось установить маршрут и содержание согласия.

— А если Тимур откажется принимать телефон?

— Тогда ты получишь отказ, а не эксперимент.

— Очень спокойный подход для человека, который спрятал ноутбук в кафе напротив.

— Ноутбук не спрятан. Он лежит в сумке.

— Под столом.

— Там розетка.

Я вышла из дома одна. Антон поехал раньше и занял место в кафе, откуда была видна вывеска мастерской. Мой приход должен был выглядеть обычным, насколько это возможно после двух дней вопросов о голосе умершего и пропавшем тестовом телефоне.

Тимур стоял у стойки и узнал меня сразу. Его лицо не изменилось, но рука замерла над коробкой с защитными стёклами.

— Вера Сергеевна. Вы снова по поводу Людмилы Андреевны?

— Сегодня по поводу этого.

Я положила телефон на стойку. Он включился только со второй попытки и показал сорок процентов заряда.

— Батарея быстро садится. Иногда пропадает сеть.

Тимур посмотрел на модель и сказал:

— Ему лет восемь.

— Значит, заслужил уважительное обслуживание.

— Он заслужил покой.

Я напомнила, что мастерская вчера охотно возвращала к жизни аппарат Сергея. Тимур снял крышку, осмотрел батарею и положил телефон обратно.

— Диагностика займёт полчаса. Но сразу предупреждаю: нормальной работы от него не будет.

— Мне нужна батарея и проверка связи. Без восстановления данных.

Он повернул экран терминала. На нём предлагалось выбрать пакет обслуживания. Самый дешёвый назывался «Базовая забота», следующий обещал «бережное восстановление привычной среды». В третий пакет входило цифровое наследие.

— Мне только диагностику.

Администратор, которую вчера отвлекали фотографии кота, протянула планшет для подписи:

— Диагностика отдельно не оформляется. Нужно выбрать базовый пакет.

— Что в нём?

— Проверка батареи, очистка, синхронизация контактов и сохранение важных данных.

— Сохранение куда?

Она открыла справку и стала читать с экрана. Важные данные могли храниться в защищённой партнёрской среде до завершения обслуживания. Кто определял их важность, справка не сообщала.

— Контакты восстанавливать не надо. Голосовые тоже не открывайте.

— Тогда часть диагностики будет недоступна.

— Какая именно?

Администратор позвала молодого сотрудника из ремонтной зоны. Он назвался Романом и объяснил, что зависания часто происходят из-за переполненного кэша. За небольшую доплату мастерская проводила ускоренную очистку от воспоминаний.

— От каких воспоминаний? — спросила я.

Роман уверенно коснулся экрана телефона:

— Временные данные, следы приложений, старые обращения.

— То есть кэш?

Он помолчал и пояснил:

— В расширенном понимании.

— А в обычном?

— Тоже кэш, но клиентам так понятнее.

Администратор кашлянула, пряча улыбку. Я отказалась от очистки, объяснив, что воспоминаний в телефоне мало и они пока не мешают.

Тимур вернулся к стойке. Он предложил оформить только замену батареи, но в договоре всё равно оставался общий пункт диагностики. Я попросила бумажную копию до подписи.

— Документ придёт вам на почту, — сказал он.

— После подписи.

— Это стандартная форма.

— Тогда её легко распечатать.

Принтер стоял за спиной администратора. Она посмотрела на Тимура, получила короткий кивок и нажала кнопку. Аппарат загудел, втянул лист и выдал только первую страницу.

На ней было написано, что клиент разрешает технические действия, необходимые для восстановления работоспособности. Внизу стояла ссылка на шестистраничное приложение к договору.

- Приложение тоже распечатайте.
- Там общие условия, — ответил Тимур.
- Я как раз общий человек.

Принтер остановился на несколько секунд, потом выдал ещё шесть листов. На четвёртой странице нашёлся пункт о праве обрабатывать аудиоматериалы для выявления повреждённых данных. Следующая строка разрешала передавать результат технологическому партнёру. Название партнёра отсутствовало.

Я зачеркнула оба предложения и рядом написала: «Не согласна». Тимур посмотрел на правку.

- Система не примет изменённую форму.
- На бумаге правка уже есть.
- Тогда мы не сможем провести полную диагностику.
- Проведите неполную. Батарея и сеть.

Он объяснил, что мастер отвечает за результат и не может работать со связанными руками. Я ответила, что руки у него свободны, а голосовые останутся закрытыми. После короткого спора Тимур поставил подпись рядом с моей правкой и попросил администратора внести ограничение в заказ.

На планшете отдельного поля не оказалось. Она написала запрет в строке «Комментарий мастеру». Система сократила текст до слов: «Не открывать голос».

- Голосовые, — поправила я.
- Больше символов не помещается.
- Напишите «аудиозапрет».
- Получится, что вы запрещаете звук.
- Подходит.

Роман забрал аппарат и унёс за дверь. Перед этим я увидела время: 12:14. Чехол с внутренней меткой остался на телефоне.

Я вышла из мастерской и перешла в кафе. Антон сидел у окна, а перед ним стояли две чашки.

- Приняли? — спросил он.

Я положила договор на стол. Он не стал брать листы, пока я не сказала, что это моя копия и её можно читать. Такая осторожность показывала, сколько действий я привыкла считать разрешёнными без отдельного вопроса.

Антон прочитал зачёркнутые пункты и сфотографировал их с моего согласия.

- Хорошо. Ограничение внесли в заказ?
- В форме написали «Не открывать голос».
- Двусмысленно.
- У них маленькое поле и большие намерения.

Ноутбук был подключён к тестовой учётной записи. Первый запрос на вход появился через четыре минуты после того, как телефон унесли. Адрес относился к сети торгового центра. Система запросила список установленных приложений и сведения о батарее. Для диагностики это выглядело правдоподобно.

Через семь минут пришёл новый запрос. Учётная запись попыталась получить перечень контактов, хотя мы запретили синхронизацию. Доступ был заблокирован настройками, и ноутбук сохранил время.

— Это ещё может быть стандартный модуль, — сказал Антон. — Важно, куда он обращается.

Следующий запрос пришёл в 12:31 с внешнего адреса. Система пыталась получить длительность аудиофайлов без загрузки содержания. Узел обслуживал несколько цифровых сервисов и не был связан с производителем телефона.

— Мемориальный сервис?

— Пока неизвестный партнёр. Не подгоняем ответ, — сказал Антон.

В 12:36 система попыталась авторизовать новую сессию. На тестовый адрес пришло уведомление: «Вход с нового устройства». Местоположение определилось приблизительно, но цифровой идентификатор приложения сохранился полностью.

Антон развернул ноутбук ко мне:

— Узнаёшь название?

В строке стояло «Память рядом». Так назывался сервис Яны Беловой. Я видела эти слова на её визитке, которую она оставила Тимуре после разговора о Михаиле.

— Мы его не устанавливали.

— И не заказывали.

Авторизация не завершилась, потому что для тестовой записи требовалось подтверждение. Через минуту пришёл второй запрос. Потом третий. Каждый раз сервис пытался создать связанный профиль.

Я посмотрела через окно. За стеклом мастерской Тимур разговаривал с Романом. Дверь в ремонтную зону была закрыта.

— Они знают, что мы увидим вход.

— Не обязательно. Большинство клиентов получает уведомление на тот же телефон. Пока аппарат у мастера, сообщение можно убрать.

— Или человек решит, что сам нажал не туда.

— Поэтому нам нужен возвращённый аппарат и его журнал. Сейчас только наблюдаем.

В 12:41 Тимур сообщил, что диагностика закончена. Батарея устарела, а сеть пропадала из-за окисления контакта сим-карты. Я попросила вернуть телефон без других действий.

— Мы уже провели очистку системного мусора, — сказал Тимур.

— Я от неё отказалась.

— Обычная процедура диагностики. Личные данные не затронуты.

— Тогда отметьте это в акте.

Он согласился, не уточнив условий. Мы с Антоном договорились, что в мастерскую я вернусь одна. Ноутбук остался у него: Антон должен был следить, продолжатся ли запросы после выдачи аппарата.

Телефон лежал на стойке рядом с актом. Чехол сидел плотно. Внутренняя метка оказалась надорвана, значит, крышку снимали. Это соответствовало проверке батареи. На экране не было новых приложений.

Роман сказал, что почистил контакт сим-карты и удалил временные файлы. Тимур заверил, что голосовые не открывали. Я попросила технический журнал.

— Он внутренний, — ответил Тимур.

— В акте написано, что проведена программная диагностика. Чем она подтверждается?

Он распечатал короткий отчёт. В нём значились проверка батареи, сети и хранилища. Отдельной строкой стояла синхронизация служебного профиля. Результат — успешно.

— Какого профиля?

— Временного. Он нужен для теста связи.

— Почему тогда на мой адрес пришло уведомление о входе в сервис «Память рядом»?

Роман перестал складывать инструменты. Администратор посмотрела на Тимура.

После паузы он ответил, что старое приложение могло восстановиться из моей учётной записи.

— Телефон был очищен. Приложение никогда не устанавливалось.

— Вы сами сказали, что аппарат старый. Могли забыть.

Я положила на стойку бумажную копию договора с зачёркнутым согласием:

— Вход произошёл во время ремонта. Доступ запросил сервис Яны Беловой.

Тимур прочитал строку, которую видел час назад. Его лицо стало усталым.

— Мы используем партнёрскую проверку повреждённых архивов. Она не читает содержание без разрешения.

— Я запретила работу с аудио.

— Модуль проверяет тип файлов автоматически.

— В договоре передача партнёру зачёркнута.

Он сказал, что бумажная правка не успела изменить настройки системы. Мастерская подписала ограничение, но продолжила работать по прежней схеме.

Я попросила внести в акт незапрошенное обращение к партнёрскому сервису. Тимур отказался, потому что не считал его услугой. Тогда я написала замечание от руки на своей копии и предложила ему поставить подпись рядом. Он не стал.

— Вы пришли не ремонтировать телефон, — сказал он.

— Батарея действительно плохо держит заряд.

— Вы устроили проверку.

— С собственным аппаратом и собственными данными.

— После смерти сотрудника.

— Именно после неё ваш тестовый телефон исчез, а клиентский аппарат обратился к сервису, которого в заказе нет.

Тимур напомнил, что смерть Михаила пока считается несчастным случаем. Я не спорила. Прямой связи с данными у нас не было, зато появился маршрут от мастерской к сервису Яны.

Я забрала телефон. У двери администратор догнала меня и протянула второй экземпляр акта.

— Здесь система сохранила полный комментарий, — сказала она тихо.

Внизу мелким шрифтом стояло: «Клиент запрещает открывать голосовые и передавать аудиоданные партнёрам». Рядом система поставила отметку: «Ограничение не поддерживается текущим пакетом».

— Вы это раньше видели? — спросила я.

— Сегодня впервые распечатала расширенную версию.

В кафе Антон отключил тестовую учётную запись. Запросы прекратились лишь после ручного завершения сессий. Один вход оставался активным ещё девять минут после выдачи телефона.

Дома на телефоне появилось уведомление. Оно предлагало завершить настройку профиля «Память рядом» и обещало сохранить важное без лишних вопросов.

— Лишние вопросы у них, видимо, начинаются с согласия.

В журнале сохранилась незапрошенная авторизация с адреса компании Яны. Мастерская создала служебный профиль, передала сведения об устройстве, а мемориальный сервис через него запросил аудиофайлы.

Наши ограничения сработали: мастерская не получила содержимое файлов. Обычный клиент мог принять базовый пакет одним нажатием и не увидеть отдельного запроса.

На телефоне оставались только наши файлы и цифровой маршрут. Личного следа не было.

— Значит, отрицательная проверка удалась, — сказал Антон.

— На телефоне нет следа, а система слишком разговорчива.

Антон закрыл журнал и передал копию. Мы зафиксировали: тест проводился на моём аппарате, с моими данными и ограничениями.

В половине четвёртого пришло письмо от Яны Беловой. Она благодарила меня за интерес к технологии и предлагала не строить выводы по служебной процедуре, которую я увидела без полного контекста.

В конце письма стояло приглашение на закрытую демонстрацию сервиса «Память рядом». Яна обещала показать, как создаются мемориальные профили и почему людям иногда нужен ответ, а не архив.

Демонстрацию назначили на тот же вечер. Внизу была одна просьба: принести телефон с выключенной записью и не публиковать заранее подготовленные обвинения.

Глава 4. Сервис утешения

К шести вечера телефон снова успел разрядиться до двадцати процентов, хотя после мастерской я почти не трогала его. Уведомление от «Память рядом» оставалось на экране и предлагало завершить настройку профиля. Я сделала снимок, выключила аппарат и убрала его в сумку.

Антон ждал у подъезда. Он приехал без ноутбука и объяснил, что на демонстрации будет только наблюдать. Это звучало разумно, но я всё равно спросила:

— Совсем ничего не будешь проверять?

— Буду слушать, что обещают. Проверка начнётся там, где появится конкретное действие или документ.

— Иногда ты умеешь испортить красивое приглашение одной фразой.

— Яна пригласила нас не ради красоты.

Офис мемориального сервиса находился в новом деловом центре. На стойке охраны лежал список гостей, но наших фамилий в нём не оказалось. Девушка дважды позвонила наверх и попросила подождать.

Через пять минут к нам спустилась Яна. На ней было тёмно-синее платье без украшений. Она извинилась за задержку и сказала, что закрытые демонстрации обычно проводят для клиентов, а не для журналистов и технических реконструкторов.

— Значит, мы редкий случай.

— Я надеюсь, полезный.

Она провела нас через стеклянную дверь. В приёмной стоял шкаф с подписанными коробками. На каждой было только имя профиля, без фамилии и даты смерти.

За приёмной начинался обычный офис. Вместо названий отделов на стенах висели таблички «Архив» и «Продолжение диалога».

В демонстрационной комнате стояли два дивана и большой экран. Свет был приглушён, хотя за окном ещё не стемнело. Перед каждым местом лежали наушники и салфетки. Яна заметила мой взгляд.

— Люди по-разному реагируют. Некоторым проще слушать в наушниках.

— А салфетки входят в подписку? — спросила я.

— Они бесплатные.

— Значит, не всё утешение у вас платное.

Яна улыбнулась. Шутка её не задела, но и не приблизила нас к ответам.

Кроме нас пришли ещё пять человек. Тамара Степановна была с сыном. Молодая пара держалась за руки. Последней вошла Ксения Орлова, женщина лет тридцати пяти в красном шарфе.

Яна начала без презентации. Она сказала, что «Память рядом» не возвращает умерших. Сервис собирает добровольно переданные материалы и на их основе продолжает знакомый способ общения.

— Не человека, — уточнила она. — Способ общения.

Тамара Степановна подняла руку:

— А если способ помогает, какая разница?

Вместо возражения Яна попросила женщину рассказать о муже. После его смерти Тамара Степановна перестала выходить из дома. Дочь подключила мемориальную страницу, и по вечерам женщина слушала старые истории. Потом начала задавать вопросы. Голос мужа напоминал ей принять лекарство и не ругаться с соседом из-за машины.

— Он бы так и сказал, — уверенно закончила Тамара Степановна. — Только сосед у нас новый. Мой муж его не знал, но характер людей знал прекрасно.

Сын вздохнул, однако возражать не стал. Я спросила, кто рассказал системе о соседе.

— Я, наверное, — ответила Тамара Степановна. — Мы ведь разговариваем. Я рассказываю, он отвечает.

— Вы знали, что новые сведения войдут в профиль?

— А как он иначе поймёт, о чём я?

Вопрос был простым и потому неудобным. Для Тамары Степановны система работала не как архив. Она слушала сегодняшний разговор, запоминала его и отвечала голосом человека, который не мог согласиться на новое участие.

Яна предложила показать устройство страницы. На экране появилась фотография пожилого мужчины. Под ней располагались вкладки с семейными материалами. Справа стоял ползунок «Манера ответа». Его можно было сдвинуть от строгой к поддерживающей.

— Характер тоже выбирает семья?

— Семья задаёт комфортный режим.

— А настоящий человек был каким?

Тамара Степановна посмотрела на ползунок и призналась, что муж чаще бывал строгим. Дочь поставила режим ближе к поддерживающему, потому что матери вредно нервничать.

— Значит, вы улучшили покойного? — спросил Антон.

Яна повернулась к нему:

— Мы снизили риск повторной травмы.

— Тогда это уже не сохранение привычного способа общения. Это управление ответом.

В комнате стало тише. Сын Тамары Степановны нахмурился, а мать пожала плечами:

— Живого я сорок лет не могла сдвинуть к поддерживающему. Пусть хоть теперь побудет удобным.

Несколько человек улыбнулись. Я тоже не удержалась. Шутка принадлежала ей и не прятала боли.

Яна объяснила, что ползунок влияет только на новые ответы и его можно отключить.

Антон спросил, где проходит граница между исходной фразой и новым текстом. Яна показала маленький значок рядом с сообщением. При нажатии открывалась справка: ответ был создан на основе материалов профиля.

— Какие именно материалы использованы? — спросил он.

— Система выбирает релевантные фрагменты. Полная техническая карта перегрузит человека в момент переживания.

— Значит, источник ему не показывают.

— Показывают понятное объяснение.

Антон записал формулировку. Я заметила, что Ксения следит за его ручкой внимательнее, чем за экраном.

После общей части Яна перешла к демонстрации. Ксения согласилась открыть профиль отца. Он умер три года назад после болезни. Семья загрузила несколько десятков голосовых и переписку из общего чата. Ксения пользовалась сервисом два месяца.

На экране появилась фотография. Ксения взяла микрофон.

— Пап, я всё ещё думаю переехать. Стоит соглашаться на новую работу?

Ответ пришёл через несколько секунд. Мужской голос произнёс её имя, напомнил, что она всегда боялась перемен, и посоветовал не принимать решение только из чувства вины перед матерью. Речь звучала естественно, со знакомым покашливанием и привычным «слушай сюда».

Ксения улыбнулась, но глаза у неё покраснели.

— Он так начинал все серьёзные разговоры.

Яна спросила, помог ли ответ.

— Да. Мы с мамой об этом спорим уже месяц.

Антон наклонился ко мне и прошептал:

— Он ответил на новый вопрос и использовал текущий конфликт. Это активная модель.

— Я вижу.

— Важно назвать точно.

Его спокойствие раздражало меня. Ксения сидела перед голосом отца, а он говорил о модели. Но через секунду я поняла, почему Антон не смягчил слова. Если принять облегчение за доказательство, любая проверка покажется жестокостью.

Я спросила у Ксении, знала ли она, что система читает её свежую переписку.

— Я подключила семейный чат. Там всё про маму и переезд.

— Папы в том чате уже не было?

— Был старый аккаунт. Мы его не удаляли.

— Но новые сообщения появились после его смерти.

Яна вмешалась и пояснила, что клиент сам выбирает источники. Свежая переписка нужна, чтобы ответ не выпадал из настоящей жизни.

— Тогда сервис использует слова живых, чтобы говорить голосом умершего.

— Он использует контекст семьи.

Ксения посмотрела на экран:

— Мне всё равно легче.

Я ответила, что не собираюсь отнимать у неё облегчение. Но новые ответы создавались сейчас и могли менять семейные решения.

— Они ничего не решают за меня, — сказала Ксения. — Я понимаю, что это программа.

Она произнесла это уверенно, но микрофон не выпустила.

Для второго вопроса Ксения выбрала тему квартиры. После смерти отца ей досталась доля, и мать просила отказаться от неё в пользу младшего брата. Система ответила, что нельзя «делать из родства пожизненную подписку на уступки».

Ксения выпрямилась.

— Папа так никогда не говорил.

Яна попросила открыть карточку ответа. Источник обозначался общей фразой: «Семейные материалы и привычная манера речи».

— Выражение про подписку моё, — сказала Ксения. — Я написала его подруге неделю назад. Не в семейном чате.

Яна подошла к панели и быстро проверила настройки. К профилю был подключён резервный архив телефона Ксении. Доступ разрешили при восстановлении данных после ремонта. На экране стояла дата — месяц назад.

— Я не подключала личную переписку, — сказала Ксения.

— Возможно, вы согласились на расширенный контекст при восстановлении архива.

— Я отдавала телефон в ремонт. Мне меняли экран.

Я посмотрела на Антона. Он уже записал название мастерской, которое появилось в карточке доступа. Это была другая точка той же сети Тимура.

Яна закрыла панель и сказала, что доступ мог быть активирован стандартным пакетом. Она назвала произошедшее контекстным восстановлением: система заметила подходящее выражение и перенесла его в ответ.

— Подходящее для кого? — спросила Ксения. — Для папы или для меня?

Яна признала, что источник следовало обозначить точнее. Она обещала отключить личный архив и провести внутреннюю проверку. Ксения потребовала удалить фразу из профиля.

— Только эту? — уточнила Яна.

Женщина посмотрела на фотографию отца. Ей пришлось выбирать между полезными ответами и системой, которая говорила голосом отца её собственными словами.

— Пока остановите новые ответы, — сказала она. — Старые записи не трогайте.

Яна выполнила просьбу. На странице появилась серая полоса: «Диалог временно приостановлен». Ксения вернула микрофон и больше не смотрела на экран.

После демонстрации Тамара Степановна попросила не отключать её профиль из-за чужой ошибки. Сын хотел запретить матери менять настройки ночью.

— Вы хотите ограничить её доступ? — спросила Яна.

— Я хочу, чтобы она спала.

— Тогда лучше установить время уведомлений.

Тамара Степановна сказала, что сын уже пытался установить ей режим сна, но сам звонит после полуночи. Спор ушёл к стойке администратора и стал вполне живым.

Мы с Антоном остались в демонстрационной комнате. Я положила ладонь на край стола, но устойчивого следа не появилось. Голоса и новые ответы создавали шум, в котором слабый след терялся. Комната умела копировать присутствие, но не удерживала одного человека.

— Здесь ничего нельзя почувствовать надёжно, — сказала я.

— Потому что всё смешано.

— И потому что система старается быть убедительной.

Антон кивнул. Он не сказал, что предупреждал. За это я простила ему слово «модель».

Яна вернулась с папкой договоров. Она предложила показать условия сервиса, если мы не будем фотографировать личные данные клиентов. Мы согласились.

В договоре было написано, что обработка материалов продолжается до отзыва согласия владельцем учётной записи. Далее шёл раздел о наследниках и доверенных представителях. Они могли управлять профилем после подтверждения права на доступ.

— Кто считается владельцем после смерти?

— Человек, назначенный пользователем, либо законный представитель семьи.

— Семья не является одним законным представителем.

— Мы проверяем документы.

— А если умерший не назначил доверенное лицо?

— Решение принимает ближайший родственник.

Антон попросил показать пункт, который давал ближайшему родственнику такое право. Яна пролистала договор и остановилась на формулировке о поддержании мемориального профиля в интересах семьи.

— Здесь нет передачи права на синтез новых ответов, — сказал он.

— Это часть услуги.

— Услуга заключена с живым пользователем. После смерти отозвать согласие он не может. А договор продолжает действовать до отзыва.

Яна закрыла папку.

— Вы читаете документ так, будто перед вами спор о страховой выплате.

— Передо мной спор о доступе. Процедура та же: нужно понимать, кто разрешил действие и когда.

Мне снова стало неуютно от его прямоты, но именно она разрезала мягкий язык сервиса. Яна говорила о семье, утешении и продолжении разговора. Антон возвращал каждый вопрос к владельцу, сроку и праву отзыва. Без этого сочувствие становилось удобной ширмой.

Я спросила, может ли родственник удалить весь профиль вопреки желанию других членов семьи. Яна ответила, что сервис старается найти согласованное решение. В спорных случаях доступ временно ограничивали. Кто принимал окончательное решение, в договоре не было сказано.

— Выходит, его принимаете вы.

— Иногда компании приходится защищать уязвимого клиента от семейного давления.

— А иногда один родственник получает голос умершего против воли остальных.

— Поэтому и нужна ответственная площадка.

Яна не повышала голос. Она действительно считала, что удерживает людей от худшего. Возможно, иногда так и было. Но компания присвоила себе право решать, кому разрешено продолжать разговор.

Она убрала договор и предложила мне сотрудничество. Сервису требовался человек, которому доверяют читатели и который умеет говорить о сложной памяти без дешёвых сенсаций. Я могла посещать демонстрации, рассказывать о правилах безопасности и стать публичной сторонницей проекта.

— После сегодняшнего? — спросила я.

— Именно после сегодняшнего. Вы видите риски, а мы умеем их исправлять.

— Сначала покажите, откуда сервис получил фразу Ксении.

— Это предмет внутренней проверки.

— Тогда и поддержка будет внутренней.

Яна посмотрела на меня внимательнее.

— Вы уже решили, что мы обманываем людей?

— Я решила, что полезный эффект не заменяет согласия. И что голос умершего не должен произносить фразу из чужой переписки без ясного источника.

Она напонила о Тамаре Степановне. Без сервиса женщина могла снова перестать выходить из дома. Я ответила, что помощь одному человеку не даёт права читать всех остальных.

— Вы лишаете технологию права на ошибку.

— Ошибка должна быть видна тому, кто за неё платит.

На этом разговор закончился. Яна проводила нас до лифта и сказала, что закрытая демонстрация останется закрытой. Публиковать имена и записи без разрешения нельзя.

— И я этого не сделаю, — ответила я. — Но опишу принцип без личных данных.

Дома я написала заметку без названий и имён: после ремонта приложение может получить доступ к аудио, а синтетический ответ — использовать поздние слова семьи. Я посоветовала проверять активные сессии.

Антон прочитал текст с моего разрешения и уточнил формулировку: доступ шёл через резервный архив, а происхождение согласия пока не установлено. Заметка вышла в половине десятого.

Первое письмо пришло через семь минут: после ремонта телефон матери стал получать советы голосом покойной сестры. Другой человек платил за незапрошенный профиль. Третий написал: «Они знают, что я говорил жене уже после похорон».

К полуночи таких обращений было девять. У каждого — свой умерший, свой ремонт и голос, отвечавший на то, чего человек при жизни знать не мог.

Глава 5. Клиенты с чудом

К восьми утра у меня было двадцать семь писем, четыре пропущенных звонка и одно голосовое длиной в девять минут. Первые две минуты автор голосового объяснял, что не верит ни в мистику, ни в мошенничество, а потом попросил срочно подтвердить: покойная тётя действительно могла советовать сменить управляющую компанию.

Люди присылали готовые выводы вместо исходных файлов. Один человек отправил скриншот с подписью «Это точно папа». Другая женщина вырезала из записи паузы, потому что они казались лишними. Третий прислал пять копий и каждую назвал «оригинал окончательный». Я попросила всех сохранить устройство, ничего не обновлять и не публиковать записи.

Через минуту написала Олеся:

«Ты уже стала городской диспетчерской для покойных?»

Я позвонила ей по видеосвязи. Олеся сидела в своём салоне в деревне N и красила клиентке ногти.

— Я пока диспетчерская для живых, — сказала я. — Но они неорганизованные.

— Живые всегда такие. Покойные хотя бы не присылают файл шесть раз с вопросом, дошёл ли первый.

Клиентка подняла руку с недокрашенными ногтями:

— А вы правда переводите покойных?

— Нет, — ответили мы одновременно.

Олеся предложила ввести порядок. Сначала человек присылал исходное сообщение, точный вопрос и сведения о ремонте. Разговор о чувствах следовало начинать после сохранения данных, иначе люди долго рассказывали о семье, а потом признавались, что удалили файл от страха.

— И напиши крупно: никаких пяти копий ночью. После десяти я сплю и покойных не обслуживаю.

— Ты их вообще не обслуживаешь.

— Тем более. У меня даже лицензии нет.

Я создала форму для обращений. Олеся присвоила обращениям номера и запретила людям менять тему письма. Через десять минут ей написала женщина, которая считала номер тринадцать плохим знаком и требовала четырнадцатый. Олеся ответила, что номер относится к очереди, а не к судьбе.

В форме появился отдельный запрет отправлять пароль от телефона. Его пришлось добавить после первого же ответа. Автор восьмого письма прислал код разблокировки и попросил войти за него, потому что сам волновался. Я удалила сообщение и позвонила ему. Он обиделся: раз сервис уже прочитал всё, скрывать было поздно. Я объяснила, что чужое нарушение не отменяет осторожности.

Из двадцати семи случаев семь не имели отношения к мастерским. Люди сами включали приложения, загружали архивы и потом забывали об этом. В пяти письмах голосовые оказались старыми сообщениями, восстановленными после входа в прежнюю учётную запись.

В девяти случаях телефон недавно проходил ремонт. После него появлялся доступ к мемориальному сервису или новый голосовой ответ. Не все пользователи считали это обманом.

Я назначила три встречи в кафе возле дома и попросила принести устройства выключенными.

Первой пришла Валентина Петровна, вдова бывшего учителя географии. Она положила телефон на стол и предупредила, что удалять ничего не позволит.

— Мне Виктор Павлович помогает. И не надо объяснять, что это программа. Я понимаю. Но программа знает, как он говорил.

Её муж умер полтора года назад. В телефоне сохранились лекции и домашние голосовые. После замены разъёма мастер предложил восстановить архив. Через несколько дней появился профиль «Память рядом».

Валентина Петровна сначала слушала старые файлы, потом стала задавать вопросы. Один ответ помог решить, куда отдать книги мужа.

— Он всегда говорил, что книги должны работать, — объяснила она. — Сервис посоветовал сельскую библиотеку. Я так и сделала.

— Вы писали в анкете о библиотеке?

— Конечно. Там спросили, что Виктор Павлович считал важным.

Она показала заполненную биографию. В отдельном поле стояло: «Какой ответ вы хотели бы услышать в трудной ситуации?» Валентина Петровна написала: «Не бойся расставаться с вещами, если они пригодятся другим».

— Получается, совет о книгах вы частично подсказали сами.

— А что в этом плохого? Он бы всё равно так сказал.

— Плохого может не быть. Важно понимать, откуда появился ответ.

Она задумалась. Сервис называл речь продолжением привычного общения, но не напоминал, сколько текста внесла семья.

Я с её разрешения прослушала одно сообщение. Телефон не отзывался отдельным жестом или привычкой. Голос говорил связно и пользовался формулировками из анкеты.

— Вы разочарованы? — спросила Валентина Петровна.

— Нет. Вы осознанно пользуетесь настроенной моделью. Но другие могли не понять условия.

Она разрешила взять копию договора и запретила использовать голос мужа. Перед уходом попросила не называть пользователей зависимыми.

— Я живу сама, хожу в библиотеку и спорю с соседями. Если вечером слушаю знакомый голос, это не делает меня беспомощной.

Я пообещала не решать за неё, что она чувствует.

Вторым пришёл Павел Громов, взрослый сын умершего военного врача. Он объявил, что сервис нужен его матери, а сам считает его дорогой аудиокнигой.

— Я заполнил профиль отца. Выбрал записи и убрал лишнее.

— Что значит «лишнее»?

— Отец мог резко отвечать. Маме сейчас это ни к чему.

Он выбрал поддерживающую манеру и добавил несколько фраз от себя.

— В семейных альбомах тоже не хранят все фотографии, — сказал Павел. — Неудачные удаляют.

— Но фотография не отвечает на новый вопрос.

— Зато здесь мать получает понятный совет.

Я спросила, знает ли она, что сын изменил характер ответов. Павел отвёл взгляд.

— Я не обязан объяснять каждую настройку.

— Тогда она думает, что слышит отца таким, каким он был.

После паузы Павел признался: однажды система посоветовала матери переписать квартиру на него. Он удалил ответ и решил, что сервис подтянул тему из переписки с сестрой. Доступ к семейному чату включили при ремонте материнского телефона.

— Сестра знала?

— Теперь знает. Мы поссорились.

Он показал уведомление о продлении: «Сохраните возможность услышать последние важные слова. Доступ завершится через три дня».

Такая же фраза стояла в письме Валентины Петровны.

Павел согласился передать скриншот без имени отца и разрешил мне положить ладонь на выключенный аппарат матери. Телефон был новым, гладким и ничем не отличался от десятков таких же. Я почувствовала только тепло его рук. Никакого повторного движения не возникло.

— Это хорошо или плохо? — спросил он.

— Это значит, что я не вижу в самом устройстве отдельного следа вашего отца.

— Маме этого не говорите.

— Я не буду с ней разговаривать без её согласия. Но и подтверждать чудо через вас не стану.

Павел нахмурился, потом признал, что именно этого и ожидал. Он принёс телефон в надежде получить от меня удобное подтверждение. Если бы я сказала, что отец «остался» в аппарате, спор с сестрой можно было бы закончить одним чужим авторитетом.

— Она считает, что я использую маму ради квартиры, — сказал он.

— А совет переписать квартиру появился из данных, к которым система получила доступ через вас.

— Поэтому я и пришёл.

Он открыл настройки профиля. После каждого продления ползунков характера сам возвращался ближе к поддерживающему режиму, хотя Павел один раз передвинул его к исходной строгости. В журнале стояла пометка: «Оптимизация эмоциональной безопасности».

— Даже папу после смерти решили воспитывать, — сказал Павел. — При жизни это никому не удавалось.

Перед окончанием каждой подписки профиль присылал особенно личный ответ. Иногда сообщение начиналось словами: «Я не успел сказать главное».

— Вы продлевали после этого?

— Дважды.

Третьей пришла Марина Лебедева, сестра умершей Ирины. Она не снимала пальто и не выпускала телефон из кармана. Сервис называла мошенничеством, но удалять профиль боялась.

После смерти Ирины аппарат достался племяннице, а та отнесла его на ремонт. Через неделю голос Ирины попросил Марину помириться с матерью.

— И вы помирились?

— Хотя бы начали разговаривать.

Марина сама загрузила семейную историю и написала, что Ирина всегда мирила родственников. Потом сервис упомянул ссору, которая произошла уже после смерти.

— Я подумала, что племянница дополнила семейную историю. Она подумала на меня. В итоге мы обе молчали и платили.

Её уведомление о продлении начиналось той же фразой. Ниже сервис обещал «бережное молчание уведомлений» при оплате расширенного пакета. Такую услугу предлагали и в мастерской Тимура.

Марина сама включила исходное сообщение. Женский голос говорил о матери и старой обиде. Перед речью прозвучало короткое покашливание. Ирина часто так делала, но выключенный аппарат не удерживал отдельного следа.

— Значит, там ничего нет? — спросила Марина.

— Я не могу подтвердить предметный след. Это не делает совет бесполезным, но и прямым сообщением Ирины его называть нельзя.

Марина убрала телефон. Она хотела сохранить примирение с матерью, но не собиралась платить за право помнить сестру.

Перед уходом Марина показала квитанцию за расширенный пакет. В ней «бережное молчание» называлось защитой от внезапных уведомлений, но после отказа от услуги сообщения

стали приходить чаще. Сначала профиль напомнил о дне рождения Ирины, затем предложил прослушать «слова, которые она не успела сказать».

— Я заплатила только за то, чтобы телефон перестал пугать маму, — сказала Марина.

— После оплаты уведомления исчезли?

— На месяц. Потом снова начались.

Я попросила копию квитанции. Марина разрешила использовать сумму и дату, но название профиля велела закрыть. После этого разговор стал спокойнее.

После встреч стало ясно: люди сами дополняли биографии, меняли характер ответов и подключали архивы, не всегда понимая последствия. Они добавляли сведения, а сервис превращал их в продолжение разговора.

Олеся уже прислала таблицу обращений. Она добавила три поля: «Что вы заказывали?», «Что получили?» и «Чего теперь боитесь?»

— Последнее поле не техническое.

— Зато честное. Один мужчина двадцать минут рассказывал про настройки, а потом признался, что боится публикации переписки жены. Андрей Селезнёв. Я дала ему твой номер.

Она убрала телефон подальше от клиентки и стала серьезнее.

— Вера, там много стыда. Они отвечали системе, рассказывали личное, спорили с голосом. Если это вынести наружу без меры, им станет хуже.

— Я понимаю.

— Сначала спрашивай, что можно записывать. И я отключаюсь в девять.

Она завершила звонок в девять без двух минут. Это новое правило Олеси работало лучше любого напоминания.

Андрей Селезнёв позвонил в девять часов пять минут. Я предупредила, что разговор не записывается без согласия. Он разрешил письменные заметки, но попросил не использовать имя жены.

Мы встретились утром в том же кафе. Андрей выглядел так, будто не спал. Он положил на стол папку с распечатками.

Жена Елена умерла восемь месяцев назад. После её смерти Андрей отдал телефон в мастерскую, чтобы сохранить фотографии. Через «Память рядом» ему предложили восстановить голосовой архив. Сначала он почти не пользовался профилем, потом начал писать по ночам.

— Я понимал, что это программа. Но она отвечала её голосом и знала наши слова.

Система просила больше данных. Андрей подключил резервную копию. Потом заметил фразы из переписки Елены с подругой. Одна касалась их брака и была написана за месяц до смерти.

— Я не должен был это читать, — сказал он. — Даже после её смерти.

Он потребовал удалить профиль. Поддержка предложила «окончательное закрытие» за отдельную плату. Андрей заплатил.

Через три недели профиль появился снова. На почту пришло предложение продлить доступ с фразой о последних важных словах.

— Я отказался. Тогда прислали отрывок переписки Елены. Там было очень личное.

Он подвинул ко мне распечатку. Я не взяла её.

— Что вы разрешаете увидеть?

Андрей перевернул верхний лист и показал только служебную часть письма. В тексте говорилось, что при закрытии профиля некоторые материалы могут попасть в публичный мемориальный раздел, если имеют «общественную ценность для истории человека». Чтобы исключить публикацию, предлагалось оплатить расширенное удаление.

— Это была угроза?

— Для меня — да. Они приложили две строки из переписки, чтобы я понял, что архив у них.

Он заплатил второй раз. Квитанция называлась «окончательное закрытие и защита памяти». Через месяц профиль активировали под другим номером договора.

Антон приехал после моего звонка и сел рядом только с согласия Андрея. Он не попросил показать переписку Елены, а проверил даты писем и платежей.

Первое предупреждение пришло за день до окончания подписки. Второе — через двое суток после требования удалить профиль. Новый договор появился в ночь после оплаты за закрытие.

— Вы входили в учётную запись после удаления? — спросил Антон.

— Один раз. Хотел убедиться, что всё исчезло.

— Пароль меняли?

— Да.

— Тогда повторная активация шла не через ваш обычный вход.

Антон попросил разрешения записать технические заголовки писем. Андрей согласился, но запретил копировать содержание. Мы сохранили только время отправки и адрес узла.

Я открыла скриншоты остальных клиентов. Сообщения о продлении приходили в последние двое суток подписки. Формула повторялась почти дословно. Перед таким сообщением сервис присылал новый личный ответ.

— Это может быть автоматическая рекламная цепочка, — сказал Антон. — Но она использует голос и содержание профиля, чтобы подтолкнуть к оплате.

— А Андрею добавили угрозу публикации.

— Её нужно подтвердить условиями сервиса.

Андрей постучал пальцем по папке.

— Я сохранил старую версию договора.

В ней публичный мемориальный раздел не упоминался. В новой версии пункт появился мелким шрифтом.

Я спросила, обращался ли он в полицию. Андрей ответил, что не смог объяснить угрозу, не раскрывая переписку жены. Ему предложили приложить материалы целиком, и он ушёл.

— Я не хочу делать Елену доказательством.

— И не обязаны отдавать всё, — сказала я. — Можно фиксировать сам факт доступа и угрозы без публикации содержания.

Антон добавил, что ограниченную копию можно передать по защищённой процедуре. Решение оставалось за Андреем.

После встречи мы сопоставили девять случаев. В шести новые сообщения приходили перед продлением. У нескольких использовалась фраза «Я не успел сказать главное». Сервис продавал не только голос, но и прекращение собственных уведомлений.

— Это объясняет удержание клиентов, — сказала я. — Но не смерть Михаила.

— И не доказывает прямую связь Тимура с каждым случаем.

Сервис строил полные ответы из свежих данных родственников. Подлинный предметный след встречался редко. У Сергея Нечаева был короткий ритм, а остальные выключенные телефоны молчали.

— Телефон не универсальный канал, — сказала я. — Иногда вещь удерживает привычку. Всё остальное создаёт система.

— Пока это рабочая граница.

К вечеру Олеся объявила приём закрытым. Через минуту пришло ещё одно сообщение: «Это Настасья Петровна. Ей можно».

Я позвонила в деревню. Настасья Петровна сидела на кухне и чистила картошку. Рядом лежал старый кнопочный телефон.

— Откуда он?

— Принесла Зоя Матвеевна. Муж её умер прошлой зимой. Телефон ремонтировали в городе, потом отвезли сюда.

— Он подключён к сети?

— Сим-карту вынули. Интернет после ремонта не включали.

Я попросила показать аппарат ближе. Экран был погашен, корпус потёрт у нижней кнопки. Рядом стояла жестяная коробка.

— Зачем коробка?

— Чтобы лишнее не лезло. И чтобы вы не начали слушать через экран раньше времени.

В телефоне остался недописанный черновик. Голоса не было. Иногда аппарат повторял короткий ритм нажатий, хотя батарею вынули.

— Зоя Матвеевна разрешает проверить?

— Разрешает посмотреть черновик при ней. Остальное — после отдельного вопроса.

Антон искал расписание автобусов, а я записала серийный номер офлайн-телефона. Без связи сервис Яны не мог подать готовый ответ: сравнивать предстояло привычку человека с тем, что осталось в выключенном аппарате.

Глава 6. Телефон в жестяной коробке

В деревню N мы приехали к девяти утра. Ночью подморозило, и дорога от остановки до двора Настасьи Петровны звенела под ногами. Антон нёс сумку с техникой, я — пустой жёсткий футляр для телефона. Настасья Петровна встретила нас у калитки и посмотрела на футляр.

— Это зачем?

— Чтобы везти аппарат безопасно.

— Безопасно он лежит у меня.

Она провела нас в дом. На кухонном столе стояла старая жестяная коробка из-под печенья. Крышка была прижата кухонной гирей, которую Настасья Петровна обычно использовала, когда квасила капусту.

— Телефон там? — спросил Антон.

— Там. Батарея отдельно, сим-карта отдельно. Так он никуда не полезет.

Я сняла пальто и подошла ближе. Коробка была поцарапана, на крышке сохранились две нарисованные вишни. Рядом лежал лист бумаги, где Настасья Петровна записала время передачи аппарата и имена присутствовавших.

— Ты всё оформила?

— Я не оформляла. Я записала, чтобы потом никто не рассказывал, будто телефон неделю гулял по деревне.

Антон прочитал лист, но коробку не тронул.

— Кто владелец?

— Валентина, дочь Зои. Зоя пользовалась телефоном до смерти, но покупала его Валентина. Она сейчас придёт.

— А черновик кто видел?

— Валентина открыла его в городе ещё до того, как вынула сим-карту. Потом испугалась и привезла сюда. Здесь аппарат больше не включали.

Я спросила, почему телефон лежит именно в жестяной коробке.

— Потому что у вас всё теперь в облаке, — ответила Настасья Петровна. — А облако — чужой чердак. Непонятно, кто туда лазит и что оттуда тащит. В коробку без рук не залезешь.

Антон кивнул так серьёзно, что она посмотрела на него внимательнее.

— Не смеёшься?

— Нет. Для изоляции от сети коробка годится лучше многих чехлов, которые продают как умную защиту. Только надо проверить, действительно ли сигнал не проходит.

— Проверяй. Но крышку пока не открывай.

Он достал небольшой измеритель. Коробку оставили на столе. Прибор не показал связи внутри. Настасья Петровна удовлетворённо вернула гирю на крышку.

— Вот и вся ваша цифровая наука. Банка и тяжесть сверху.

— Коробка, — поправила я.

— Если начнёте спорить о форме, телефон состарится раньше нас.

Валентина Зорина пришла через десять минут. Она была похожа на мать с фотографии, которую прислала Олеся: у неё был такой же прямой подбородок, только волосы были короткими и почти белыми. Валентина сняла перчатки, села напротив коробки и долго не начинала разговор.

Зоя Матвеевна умерла прошлой зимой. Телефон после неё остался дочери. Весной аппарат перестал заряжаться, и Валентина отнесла его в городскую мастерскую. Там заменили разъём и предложили восстановить сообщения. Валентина согласилась на фотографии и контакты, потому что не хотела потерять семейный архив.

После ремонта в облачной копии появился голосовой файл. Зоя Матвеевна говорила, что деньги в старом шкафу нужно отдать младшей внучке. Семья поссорилась: шкафа давно не было, а о деньгах никто не знал.

— Голос мамин, — сказала Валентина. — Но она не называла шкаф старым. Для неё он был хороший, крепкий. Она бы сказала: «в шкафу у окна».

— Файл был на самом телефоне? — спросил Антон.

— Я увидела его в облачном архиве. Потом открыла телефон и нашла недописанное сообщение. Там только начало фразы.

— Вы сравнивали даты?

— Голосовой появился через неделю после ремонта. Черновик старый, ещё при маме.

Настасья Петровна пододвинула Валентине чистый лист.

— Сначала напиши, что разрешаешь.

— Я уже сказала.

— Слова меняются, когда людям становится страшно. Бумага меняется только если её порвать.

Валентина взяла ручку. Мы заранее подготовили короткий текст. Разрешалось включить устройство без сети и посмотреть перечень файлов с датами. Физическую копию памяти можно было сделать отдельно. Переписку и фотографии открывать запрещалось, а голосовой из облака — сравнивать только по техническим признакам, без публикации и передачи посторонним.

— А черновик? — спросила Валентина.

— Только если вы отдельно разрешите, — ответил Антон.

— Он там про деньги.

— Тогда содержание не нужно. Для сравнения достаточно даты, размера и того, где файл лежит.

Она перечитала текст и добавила от руки: «Не читать личные сообщения матери». Потом поставила подпись.

Я спросила, понимает ли она, что копию придётся отвезти в город. Валентина нахмурилась.

— Телефон тоже?

— Лучше да. Иначе мы не сможем проверить, совпадает ли копия с устройством.

— А если он пропадёт?

— За дорогу отвечаю я, — сказала я. — Передадим его по акту и вернём сегодня.

Настасья Петровна поправила:

— Вернёте, когда закончите. Спешка тут хуже пропажи.

Антон предложил сделать копию прямо в доме, но для этого требовалось оборудование, которое осталось в городе. Он объяснил разницу между обычным копированием файлов и физическим образом памяти. Обычная копия показывала только видимое. Физический образ сохранял структуру устройства и позволял проверить, не менялись ли данные после ремонта.

— Вы всё это будете читать? — спросила Валентина.

— Нет. Создадим образ, посчитаем контрольную сумму и сравним только нужные каталоги. Остальное останется закрытым.

— А если там есть что-то, о чём я не знаю?

— Тогда вы и дальше не узнаете без отдельного решения.

Она посмотрела на него с недоверием, потом на меня.

— Он всегда так говорит?

— Когда вопрос касается чужой вещи — да.

— Хорошо. Тогда пусть делает.

Настасья Петровна сняла гирю и подвинула коробку Валентине. Открыть коробку должна была владелица. Внутри лежал кнопочный телефон, завёрнутый в полотняный платок. Рядом в бумажном конверте находились батарея и сим-карта.

Валентина достала аппарат и положила на стол. У нижней боковой кнопки пластик был стёрт сильнее. Я попросила разрешения взять телефон. Она согласилась.

Корпус оказался холодным. Сначала я не почувствовала ничего. Потом палец сам задержался возле боковой кнопки. Возникла пауза, будто рука собиралась нажать, но ждала подходящего слова. Полного движения не было. Только привычная остановка перед нажатием.

— Мама всегда сначала думала, потом включала запись, — сказала Валентина. — Держала телефон так и молчала. Я злилась, потому что в голосовых потом по десять секунд тишины.

Я убрала руку.

— Здесь есть привычка. Но сообщения нет.

— А голос в облаке?

— Его нужно проверять отдельно.

Антон установил батарею, не вставляя сим-карту. Перед включением он показал Валентине экран и ещё раз спросил разрешение. Она кивнула. Телефон загрузился медленно. Значок сети не появился.

На экране сохранился один черновик. Антон не открыл его, только посмотрел свойства. Дата была за три дня до смерти Зои Матвеевны. Размер — несколько килобайт. Голосовых файлов за неделю после ремонта на устройстве не было.

— Может, он только в облаке? — спросила Валентина.

— Поэтому и нужно сравнение, — ответил Антон. — Если локальная версия не подключалась к сети, поздний файл не мог появиться здесь сам.

Настасья Петровна вернула телефон в платок.

— Значит, в коробке мать молчит, а в облаке распоряжается деньгами.

Валентина вздрогнула от прямооты, но спорить не стала.

Перед отъездом мы составили акт передачи. Настасья Петровна вписала модель телефона, состояние корпуса и царапину возле разъёма. Я добавила, что батарея и сим-карта перевозятся отдельно. Валентина подписала каждый лист.

Когда я попыталась переложить аппарат в свой жёсткий футляр, Настасья Петровна закрыла коробку.

— Повезёте так.

— Она громоздкая.

— Зато уже доказала, что умеет хранить чужое.

Антон поддержал её. Мой футляр остался пустым, а коробку с вишнями мы перевязали бечёвкой. Настасья Петровна вложила акт под узел, чтобы открыть его незаметно было нельзя.

На остановке люди сначала смотрели на коробку, потом начали спрашивать. Пожилой мужчина решил, что мы везём пирог. Женщина в меховой шапке предположила, что внутри котёнок.

— Телефон, — сказала Настасья Петровна.

Она ехала с нами до районного центра, потому что не доверяла пересадке и хотела лично передать коробку в машину Антона. После ответа Настасьи Петровны мужчина отошёл на шаг.

— Опасный?

— Чужой, — объяснила она.

В автобусе было жарко. Мы заняли задний ряд, а коробку поставили между мной и Антоном. На первой же кочке она подпрыгнула. Антон удержал её обеими руками.

— Вот, — сказала Настасья Петровна. — Уже полезна. Руки заняты, лишнего не трогаешь.

Женщина в меховой шапке повернулась к нам:

— Это вы из-за тех телефонов? Которые после ремонта разговаривают?

Я спросила, откуда она знает.

— В прошлом месяце приезжали мастера. Бесплатная выездная синхронизация для пенсионеров. Клуб им стол дал, чай дали. Они телефоны собирали и к вечеру возвращали.

— Какая мастерская?

— Городская. Название не помню. Парень был бородатый, а девушка всё говорила про сохранение памяти.

Настасья Петровна нахмурилась.

— У нас в клубе без объявления ничего не бывает. Почему я не слышала?

— Вы тогда к Анфисе ездили. А Олеся занята была. Они быстро приехали, быстро уехали.

Женщина достала свой смартфон и показала наклейку на чехле. На ней стоял логотип сети Тимура.

— Что делали с аппаратами? — спросил Антон.

— Проверяли батареи, переносили контакты. Сказали, что пожилым положена бесплатная забота.

— Документы подписывали?

— На планшете. Там пальцем, как за посылку.

Она не помнила, было ли отдельное согласие на голосовые. После выездной акции её телефон начал предлагать профиль памяти для умершего брата, но она отказалась.

— Потому что брат при жизни разговаривал только когда ему было что сказать. После смерти болтливее стать не мог.

Антон попросил разрешения записать её имя и номер. Женщина представилась Галиной Семёновной и согласилась рассказать всё позже, но только без поездки в город.

— Я уже один раз согласилась на удобство. Хватит.

В районном центре Настасья Петровна лично переложилa коробку на заднее сиденье машины и пристегнула ремнём.

— В город не поедешь? — спросила я.

— Нет. У меня куры без философии, их надо кормить вовремя. Позвоните Валентине перед включением.

— Мы уже получили согласие.

— Получили на дорогу. Перед новой проверкой спросите ещё раз. За четыре часа человек может передумать.

Антон сказал, что так и сделаем. Настасья Петровна кивнула ему, а мне отдельно напoмнила не превращать любопытство в право.

До города мы ехали медленно. Дорогу занесло, и перед мостом образовалась пробка. Коробка стояла сзади, пристёгнутая лучше нас. Я обернулась проверить узел.

— Она никуда не денется, — сказал Антон.

— Я отвечаю за телефон.

— Поэтому и проверяешь каждые пять минут?

— Лучше пять, чем ни разу.

— Только не перепутай ответственность с владением.

Я хотела возразить, но не нашла хорошего ответа. Телефон принадлежал Валентине, память — Зое Матвеевне, а я временно получила доступ к узкой части данных. Даже полезная проверка не делала эту вещь нашей.

Мы приехали в квартиру после трёх. Валентина подтвердила разрешение по видеосвязи. Антон поставил коробку на стол, показал целую бечёвку и только после этого развязал узел.

Для копирования он использовал ноутбук без доступа в интернет. Сеть в квартире мы отключили, а мой рабочий телефон оставили в прихожей. Тишка сначала обнюхал жестяную коробку, потом сел рядом. Я сняла его со стола.

— Он ничего не тронет.

— Но согласия у него мы не спрашивали, — ответил Антон.

Тишка посмотрел на нас с презрением и ушёл к батарее.

Антон подключил телефон через переходник. Устройство определилось, но система потребовала разрешение на доступ. Валентина увидела экран по видеосвязи и разрешила продолжить. Мы создали физический образ памяти, посчитали контрольную сумму и записали её на бумаге.

Копирование заняло почти час. Пока полоска двигалась, я приготовила еду. Есть пришлось на кухонной тумбе, потому что стол занимали техника и коробка. Антон не жаловался. Настасья Петровна позвонила в половине процесса и спросила, не открывали ли мы переписку.

— Нет, — ответила я. — Копия ещё создаётся.

— А кот?

— Отстранён от дела.

— Правильно. Он согласие на тайну не подписывал.

После копирования контрольная сумма образа совпала при повторной проверке. Затем Антон открыл только каталог голосовых и служебный журнал. На телефоне сохранялись старые записи Зои Матвеевны. Их контрольные суммы совпали с файлами в облачном архиве, который Валентина заранее выгрузила на отдельную флешку.

Это подтверждало, что обе версии происходили из одного исходного набора.

Поздний голосовой лежал только в облаке. Он был датирован неделей после ремонта и имел другой идентификатор приложения. На локальном устройстве не осталось даже временной записи о его создании или загрузке.

— Значит, файл добавили после того, как телефон оказался у Валентины.

— Точнее, после создания исходного архива. Сам аппарат к этому файлу не обращался.

— Голос собрали снаружи.

— Пока можем сказать только это.

Я попросила Антона проверить черновик. Он напомнил, что разрешения читать содержание нет. Мы позвонили Валентине. Она выслушала объяснение и разрешила открыть только техническую карточку, без текста.

Черновик относился к обычному приложению сообщений. Дата создания была подлинной, и никаких изменений после смерти Зои Матвеевны в нём не было. Последний локальный файл появился до ремонта. Поздний голосовой в облаке не имел с черновиком общей истории.

Валентина молчала несколько секунд.

— Значит, мама не говорила про деньги после смерти?

— Телефон этого не подтверждает, — сказала я. — На нём есть только старая незавершённая запись.

— А голос её?

— Тембр мог быть собран из исходных файлов. Содержание появилось позже.

Она попросила удалить облачный ответ. Я объяснила, что сначала лучше сохранить техническую копию и зафиксировать её происхождение. После этого решение останется за ней.

— Сохраните только для дела. Никому не включайте.

Мы записали её волю в акт. Антон сделал ограниченную копию метаданных. Сам голосовой остался на флешке Валентины и в её облачном аккаунте. Мы не загружали его в свои папки.

Когда работа закончилась, выключенный телефон повторил паузу перед боковой кнопкой. Слов о шкафе, деньгах или внучке не было.

Локальная память оказалась беднее облака, зато честнее. Телефон повторял незавершённое движение. Совета в нём не было.

Антон упаковал телефон обратно. Батарею и сим-карту положил в отдельные конверты. Новую бечёвку мы подписали и сфотографировали.

В этот момент ему пришло сообщение от специалиста, который проверял камеры возле мастерской Тимура. Камера магазина напротив работала от собственного источника питания и не отключилась вместе со зданием.

На записи в 22:34 женщина в светлой куртке открыла служебную дверь ключом. Через семь минут она вышла с небольшой сумкой.

Изображение было зернистым, но лицо различалось.

— Ты её знаешь? — спросил Антон.

Я вспомнила фотографию Михаила с Соней из карточки сотрудника, которую Тимур показывал во время официального опроса. Женщину звали Соня Левина. Она была невестой Михаила и утверждала, что в ту ночь находилась дома.

На экране Соня ещё раз оглянулась на тёмную мастерскую, поправила сумку и быстро ушла со двора.

Глава 7. Соня ночью

Запись с камеры мы посмотрели утром в кабинете Антона. Качество записи было таким, будто двор снимали через пакет, но светлая куртка Сони Левиной различалась хорошо. В 22:34 она подошла к боковой двери мастерской, наклонилась к замку и скрылась внутри. Через семь минут вышла с небольшим тёмным пакетом.

Антон остановил кадр перед её входом.

— Что именно мы видим?

— Соня открыла дверь ключом.

— Да.

— Хотя говорила, что была дома.

— Да.

— Через семь минут вынесла пакет.

— Да.

Я повернулась к нему.

— Можно уже перейти от «да» к полезной части?

— Полезная часть в том, что камера не показывает, что было внутри. Пакет мог лежать там раньше. Михаил мог отдать ей ключ. Она могла забрать личную вещь.

— Или тестовый телефон.

— Могла. Но картинка не подтверждает содержимое пакета.

Антон увеличил фрагмент. Лицо стало почти неразличимо, зато стали видны руки. Соня медленно открывала дверь. Перед выходом она остановилась на пороге и прижала пакет к боку.

Внутренняя камера отключилась вместе с питанием в 22:18. Записи за эти шестнадцать минут у нас не было. Мы знали только, что защитный контур перестал работать, запись оборвалась, а позднее в мастерскую вошла невеста Михаила.

Тимур ждал нас у стойки. После смерти сотрудника мастерская продолжала принимать заказы, но боковую дверь опечатали. Клиенты теперь сдавали телефоны через маленькое окно в перегородке. Роман называл это временным безопасным приёмом, хотя один мужчина успел просунуть туда руку и потребовать показать, где лежит его аппарат.

— У вас там мой отпуск, — говорил он. — Весь, с первого дня.

— Телефон в сейфе, — отвечала администратор.

— А отпуск?

— Вероятно, тоже.

Тимур провёл нас в свой кабинет и спросил, видели ли мы запись.

— Соня забрала телефон Михаила, — сказал он. — Другого объяснения нет.

— На записи пакет, — возразил Антон.

— Тестовый аппарат был размером с телефон. Пакет как раз такой.

— Пакет больше.

— Она могла положить туда зарядку.

Тимур сам добавлял предметы, чтобы версия подходила к кадру. Он сообщил, что Соня знала код сигнализации и имела запасной ключ. Михаил иногда просил её занести ужин, когда задерживался.

— Почему вы не сказали об этом раньше? — спросила я.

— Меня не спрашивали про Соню. Она уверяла, что ночью не приезжала.

— В журнале ключей это отражено?

— У нас нет отдельного журнала для личных ключей.

— Тогда откуда уверенность, что ключ был у неё?

— Михаил однажды попросил сделать копию.

Антон записал эту фразу и попросил назвать мастерскую, где делали ключ. Тимур не помнил. Разговор ему быстро перестал нравиться.

Он вернулся к Соне. По его словам, в последние недели они с Михаилом ссорились. Свадьбу откладывали, денег не хватало, а Михаил тратил время на свои проверки. Тимур считал, что невеста могла прийти за ним, увидеть случившееся, испугаться и забрать телефон.

— Почему не вызвать скорую?

— Потому что на телефоне было что-то опасное для неё.

— Что?

— Возможно, переписка о долгах или другой личной связи. У них были сложности.

— Вы только что сказали, что другого объяснения нет. Теперь их уже несколько.

Тимур откинулся на спинку стула.

— Вы защищаете её, хотя она солгала.

— Мы отделяем ложь от убийства, — сказал Антон. — Это разные вещи.

Я спросила, когда Тимур видел Михаила в последний раз. Он повторил прежний ответ: около девяти вечера. Михаил был жив и работал с блоком питания. Тимур ушёл через главный вход. Камера показывала его в 21:07.

— Он звонил вам после этого?

— Нет.

— Писал?

Тимур помедлил и ответил, что получил служебное сообщение в 21:42. Михаил написал о сбое резервного питания и попросил утром не включать второй стенд.

— Покажите.

Он открыл переписку, но держал телефон у себя. Сообщение действительно было. В 21:43 Тимур ответил одним словом: «Принял».

— Это последнее? — спросил Антон.

— Да.

— Почему вы не сообщили о нём при первом опросе?

— Потому что там нет ничего важного. Сбой и сбой.

Антон попросил сохранить сообщение для следователя. Тимур раздражённо согласился.

Перед уходом он ещё раз сказал, что Соня вынесла тестовый аппарат. Уверенность появилась у него раньше доказательств и теперь только крепла. Если бы Соня принесла из мастерской бутерброд Михаила, Тимур, вероятно, объявил бы его чехлом для телефона.

Дом Сони находился в старом районе, в десяти минутах езды. Во дворе снег расчистили только возле подъезда, а у мусорных баков образовалась ледяная колея. На лавке сидели две женщины. Одна кормила голубей, вторая объясняла, что голубей зимой кормить нельзя, потому что они начинают надеяться.

Мы спросили Соню Левину. Обе женщины перестали спорить о птицах.

— Четвёртый этаж, — сказала женщина с пакетом семечек. — Только она на работу ушла.

— Сегодня не вышла, — возразила вторая. — Я в семь смотрела, света у неё не было.

— Отсутствие света не означает отсутствие человека, Лидия Павловна.

— А открытые шторы означают?

— Они у неё всегда открыты.

За две минуты мы узнали, что Соня была невестой Михаила, свадьбу собирались провести весной, но недавно отложили. Причиной, по версии первой соседки, стали деньги. Вторая считала, что дело в матери Михаила, которая хотела пышное торжество и ресторан с колоннами.

— Никаких колонн там нет, — сказала первая.

— Она хотела.

— Хотеть можно и дворец. Ссорились они из-за кредита.

— Из-за платья.

— Платье она купила осенью.

— Поэтому и кредит.

Каждая версия звучала окончательно, пока соседка не произносила следующую. Я спросила, видели ли они Соню ночью.

Женщина с семечками уверенно сказала, что Соня вернулась до одиннадцати.

— Я как раз новости досмотрела.

Лидия Павловна возмутилась:

— Новости заканчиваются позже. Она пришла после одиннадцати, я ещё дочери звонила.

— Ты дочери каждый вечер звонишь.

— Вчера закончила в 23:06. Соня вошла после разговора.

— Откуда такая точность?

— У меня домофон записывает.

Оказалось, Лидия Павловна установила камеру после того, как ей трижды приносили чужую рекламу и один раз чужого сантехника. Камера смотрела на общий коридор. Она согласилась показать запись, если мы не будем снимать её коврик: на нём было написано «Добро пожаловать», а хозяйка считала это личным делом.

На записи Соня появилась в 23:18. Она шла быстро, в той же куртке, что на камере возле мастерской. В руке был тёмный пакет. Возле двери пакет выскользнул, и на пол упала связка ключей. Соня подняла её и вошла в квартиру.

— Видите, — сказала Лидия Павловна. — После одиннадцати.

— Но до половины двенадцатого, — не сдалась соседка с семечками. — Я почти правильно сказала.

По записи удалось установить время возвращения и подтвердить пакет, но не мотив.

Я попросила сохранить фрагмент. Лидия Павловна согласилась передать его Соне или следователю. Нам копию она не дала.

— А то вы сейчас унесёте мой коридор, — объяснила она. — Потом доказывай, где чей коврик.

Соня была дома. На звонок она не ответила, но после второго вызова дверь приоткрылась на цепочке. Я увидела бледное лицо и тёмные круги под глазами.

— Я ни с кем не разговариваю.

— Нам нужно уточнить время вашего визита в мастерскую.

Цепочка натянулась.

— Я там не была.

— Внешняя камера записала вас в 22:34.

Соня закрыла дверь. Через минуту замок снова щёлкнул. Она сняла цепочку и впустила нас в прихожую, но дальше проходить не предложила.

— Покажите запись.

Антон открыл на телефоне один кадр. Соня посмотрела и отвернулась.

— Я подъезжала. Дверь была закрыта.

— На записи вы входите.

— Я проверила замок и ушла.

— Вы отсутствовали семь минут.

— Камера ошибается.

— Время сверено по системе магазина напротив, — сказал Антон. — Расхождение меньше минуты.

Соня скрестила руки. За её спиной стояла коробка со свадебными бокалами. На крышке крупно написали «не кантовать», но коробка лежала боком.

— Михаил позвонил вам? — спросила я.

— Нет.

— Зачем вы приехали?

— Мы договорились встретиться.

— Во сколько?

— После десяти.

— Он не вышел, и вы уехали?

— Да.

— С пакетом, которого не было у вас при входе?

Она быстро посмотрела на Антона.

— Он был в кармане.

Пакет на записи был шире кармана её куртки. Антон не стал спорить. Он спросил, принадлежал ли ей ключ от боковой двери.

— Нет.

— Тогда как вы собирались войти?

— Не собиралась.

— Вы пришли к закрытой мастерской поздно вечером, чтобы ждать Михаила снаружи?

— У нас была ссора. Я не хотела заходить.

Её ответы не складывались, но страх живого человека нельзя было принимать за след Михаила. Я не почувствовала рядом с Соней ничего похожего на задержанное движение выключенного телефона. Только напряжение, которое было видно без всякой мистики.

Я спросила о тестовом аппарате «Т-4». Соня ответила, не дослушав вопрос:

— Я его не брала.

— Вы знали, что он пропал?

Она поняла ошибку и замолчала.

— Тимур говорил.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Он утверждает, что телефон забрали вы.

— Тимур много чего утверждает, когда ему выгодно.

Я могла спросить о переписке Михаила с ней. Позднее нам передали материалы первичного осмотра. Из них следовало, что Михаил жаловался на ссоры, а на его рабочем компьютере нашли уведомления от Сони. Но частные сообщения не были нашим правом и не доказывали, что она причастна к смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.